

Керая. - 1988. - 29 апр.

Ромм М

29/IV 88

Написанное в заголовке кажется ошибкой: все же знают, что лента эта сделана давным-давно и, увы, давно уже нет в живых ее создателя, замечательного художника Михаила Ромма, что ее посмотрели миллионы — и у нас в стране, и за рубежом, что все эти годы она не лежала под спудом, не запрещалась, о ней написано множество статей, но вот что касается телевидения, то оно обходило ее стороной. Премьера на голубом экране состоится только сейчас, спустя двадцать три года после создания фильма. Почему? Прежде чем говорить об этом, обратимся к самой картине, не постаревшей, не потерявшей за прошедшие годы ни новизны, ни свежести, ни актуальности смысла.

веселых парней, перемежающих работу и отдых. Отдых — бодрые песни, сытная еда, купание, непритязательные шалости на пляже с вылепленной из песка дамой. Работа — виселицы, сожженные избы, трупы, раздетые женщины, которые через минуту будут изнасилованы и расстреляны, дети из гетто, у которых вытрясают из-под рубах припрятанную морковь, селекция концлагерных узников: больных и немощных — в одну сторону (отсюда они пойдут в печи), здоровых и крепких — в другую, чтобы и они через две-три недели превратились в подобие скелетов и тоже стали материалом для печей. Мало того, что парни «работали» — некоторые, несмотря на строжайший

немцы обязаны были прочесть эту книгу. «Если бы все немцы вдумались как следует в ее содержание, — печально замечает Ромм, — пожалуй, судьба Германии могла бы стать иной».

В те годы, когда создавался «Обыкновенный фашизм», в документальном кино царил закадровый дикторский голос. Уверенные профессионалы хорошо поставленными голосами читали хуже или лучше написанные тексты. Ромм сломал эту традицию. Он заговорил с экрана сам, от своего лица, он не читал текст — он думал, глядя на экран, делился с нами, зрителями, своими мыслями, своим гневом, болью, презрением, сарказмом, своими сомнениями, своей любовью и верой.

фашизма красоту человека думающего — Толстого, Пушкина, Эйнштейна, — Ромм может, и сам не думая об этом, продолжает то же противопоставление собственным примером. В интонации звучащих за кадром слов, в монтажных стыках, в движении эпизодов и вместе с ними — мысли фильма мы постоянно ощущаем Личность. Как интересен нам этот человек! Как нестандартно думает и мыслит! Как жесток его сарказм! Как глубока его боль!..

Ну, а теперь — почему же телевидение столько лет обходило этот фильм? Не из боязни ли потревожить наш покой кровоточащими картинками прошлого? И по этой причине, наверное. Телевидение вообще старалось не слишком мешать нашему душевному комфорту, говорить о чем-либо горьком, больном. Но главное, думается, в ином.

Телевидение — об этом говорилось на недавнем пленуме правления Союза кинематографистов СССР — старалось формировать в нас тип личности, так сказать, массовидной. Избавленной от персональной ответственности за что-либо. Против этого и выступает фильм Ромма.

Он обращается не вообще ко всем — персонально к каждому. От каждого требует думать, напрягать извилины. Это тоже в недавние годы было у нашего телевидения не в чести, хотя тех, кто усвоил эту «вредную» привычку, отучить от нее оно не смогло.

Все это приходит на ум в связи с предстоящей телевизионной премьерой «Обыкновенного фашизма». Такой запоздавшей... Такой современной!..

Александр ЛИПКОВ.

«ОБЫКНОВЕННЫЙ ФАШИЗМ»

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПРЕМЬЕРЕ

■ В чем причина этой удивительной молодости фильма? В живучести фашизма, поднимающего свою голову то тут, то там, принимающего личину то «черных полковников», то латиноамериканских диктаторов, то кампучийских социальных экспериментаторов? И в этом, конечно, и все же главное, думается, в другом. Ромм исследовал не просто сам фашизм, но ту почву, на которой он вырастает, а размышляя об этом, пришел к центральной для всего XX века проблеме — проблеме человеческой личности.

Вроде бы в фильме немало кусков, которые с заявленной в названии темой никак не связаны. Вот детские рисунки, трогательные и забавные — хитрый кот, медведь, первый снег, стадион. Вот лица абитуриентов, взволнованно ожидающих результатов экзаменов. Вот девушки, спешащие на свидание. Вот молодые люди, которые их ждут. Вот лица влюбленных... Собственно, при чем все это? Ведь речь о фашизме? Да, о нем. Но сначала нужно взглянуть в человеческие лица, увидеть, какие они разные, непохожие, как неповторим и бесконечно интересен каждый человек, а уже потом, сохранив это в памяти как камертон, перейти к фашизму, идеологии и государственной системе, провозгласившей, что человек — ничто. Каждый человек — не только не принадлежащий к поставленному над всеми другими народу, но и любой из этого избранного народа — тоже ничто.

Фашизм — к этому не спеша, не навязывая готовых выводов, ведет Ромм — начинается с истребления человеческого в человеке, с выравнивания всех под один ранжир, с искоренения способности к самостоятельному мышлению.

А уж после этого так легко и просто натянуть на человека мундир, вложить ему в голову прописи типа «Ты ничто, твой народ — все», дать в руки пистолет или огнемёт, чтобы он убивал и жег, не обременяя душу вопросами морали и совести. Вопрос «морально» или «неморально» снят с повестки сознанием: «Так делают все». Более того, не просто снят, но еще и подменен убежденностью, что морально, ибо так велел фюрер.

Когда течение фильма перевалит уже за середину, Ромм покажет плоды обработки мозгов у подданных рейха. Покажет

запрет, еще и запечатлели себя в «работе» — в обнимку с расквашивающимися в петле трупами, на фоне тел расстрелянных ими. И эти снимки они носили с собой, вместе с фотографиями жен и детей. Дикость... Как человек мог дойти до этого?

Разум отказывается в это поверить. Но и не поверить тоже нельзя. Значит, надо понять, как и почему такое могло случиться. Ромм ищет ответа в вещах вполне понятных, обычных. В проявлениях самых обыкновенных. Но каждое из них — шаг к известному нам итогу.

Ну вот, к примеру, факельное шествие. Красивое зрелище, впечатляющее. Ну, а если вдуматься, для чего этот роскошный спектакль, какую цель преследовали его постановщики? Ромм отвечает: цель — «превратить человека в дикаря, причем превратить его в дикаря в торжественной обстановке, так, чтобы, превращаясь в дикаря, он чувствовал себя чуть ли не героем».

Кстати, вот еще очень красивое огненное зрелище, и тоже в ночной тьме. Горят костры. Горят книги — Толстой, Вольтер, Роллан, Фейхтвангер, Брехт, Томас Манн. Летит в огонь не просто бумага, но человеческая мысль, на этой бумаге запечатленная, изгнанная из рейха, отнятая у людей, чтобы они отвыкли думать.

А вот книга, которая должна заменить все остальные, — «Майн кампф». Ромм смог воспользоваться кадрами культурфильма «Книга немцев», подробно запечатлевшего, как истинно арийские мастера, проверенные до десятого колена, изготавливали из кожи отборнейших немецких телят пергамент для этой книги, а другие — переписывали на пергаментных страницах каллиграфическим шрифтом, буква за буквой, весь ее текст, а третьи старинным способом вручную добывали в шахтах руду, из которой выплавляли нержавеющей сталь, а из нее делали крышки переплета для выдающегося сочинения фюрера, которое должно было прожить тысячу лет — столько же, сколько, по замыслу фюрера, должен был просуществовать третий рейх. Все

Это очень личный фильм, хотя вместе с режиссером работали прекрасные сценаристы, умные и тонкие критики — Майя Туровская и Юрий Ханютин, предложившие идею постановки, вложившие в нее огромный труд. И все же это фильм Ромма, его раздумья о времени, им самим прожитом, о судьбе своей страны, своего народа, о том, что вынесено из опыта собственной жизни.

Закадровый авторский голос Ромма — это больше, чем просто удачный прием или режиссерская находка. Это продолжение и утверждение главной мысли фильма. Ведь противопоставляя обезличивающей и обесчеловечивающей машине

● Кадр из фильма «Обыкновенный фашизм».